

Ответственность интеллектуалов

Т. И. Пороховская

Кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Tatyana I. Porokhovskaya
PhD (Philosophy),
Senior Lecturer in Ethics,
Faculty of Philosophy of
Lomonosov Moscow State
University
E-mail: 632712@mail.ru

На основе анализа различных точек зрения на проблему интеллектуалов в философской литературе (Ж. Бенды, Ж.-П. Сартра, Й. Шумпетера, К. Мангейма, Р. Мертона, П. Барана, М. Фуко, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, Ч. Миллса, А. Бадью и др.) проясняется понятие «интеллектуалы» и функции интеллектуалов в обществе. Интеллектуалы – это слой общества, обладающий фундаментальным образованием и глубокими знаниями, способный осуществлять «суммарный синтез» знания, выдвигать цели общественного движения и сигнализировать об опасностях, угрожающих обществу. Отличительными характеристиками интеллектуалов являются способность рассмотреть дело, которым они занимаются, с точки зрения его общественного значения, верность научной истине и готовность отстаивать основанную на истинном знании политическую позицию, гуманистическая ориентация мировоззрения, нравственная ответственность за будущее человечества и вытекающая из нее критическая позиция ко всему, что происходит в обществе. В статье также рассматриваются проблемы нравственной ответственности интеллектуалов и профессионалов в современном российском обществе.

Ключевые слова: интеллектуалы, истина, ценности, социальные функции научного знания, нравственная ответственность.

Тема ответственности интеллектуалов никогда так остро не ставилась, как в XX и в нынешнем, XXI веке. Вопрос о нравственной ответственности образованного класса в форме ответственно-

Как цитировать статью: Пороховская Т. И. Ответственность интеллектуалов // Ценности и смыслы. 2017. № 1(47). С. 76–92.

сти профессиональных групп поднимал Э. Дюркгейм в предисловии ко второму изданию своей работы «О разделении общественного труда» (1902), которое называется «Несколько замечаний о профессиональных группах» [6, с. 6]. Однако для того, чтобы принять нравственно обоснованное решение, профессионалу бывает необходимо обратиться к смыслу, социальной миссии профессиональной деятельности, а то и к социальной функции интеллектуальной элиты в целом. В 1927 г. французский писатель, философ и публицист Жюльен Бенда издает политико-философский трактат с выразительным названием «Предательство интеллектуалов» [4]. В нем он упрекает интеллектуальную элиту (писателей, профессиональных ученых и преподавателей, философов, теологов, деятелей искусства) в чрезмерном увлечении политическими, прагматическими ценностями в ущерб исполнению своего основного назначения – отстаивания идеалов истины, разума и справедливости.

Понятие «интеллектуалы»

Понятие «интеллектуалы» (в русском варианте чаще – «интеллигенция», а в англоязычной литературе – «интеллектуальный класс») входит в обиход в конце XIX в., а после того, как это понятие утвердилось в литературе, его стали распространять и на предшествующие эпохи [13]. Однако если Ж. Бенда интеллектуалами считает профессионалов, которые в сфере своей специальной деятельности должны отстаивать идеалы истины и разума, то, например, Ж.-П. Сартр разводит понятия интеллектуала и профессионала. Специалист, исполняющий профессиональную миссию, по мнению Сартра, – еще не интеллектуал. Интеллектуал – это тот, кто обращается к вопросам общества, занимает определенную морально-политическую позицию, высказывается по наиболее важным социальным проблемам и пытается повлиять на общественное сознание. За это, пишет Сартр, профессионала обвиняют в том, что он «вмешивается в то, что его не касается», злоупотребляя своей известностью, которой он добился благодаря достижениям в сфере своей специальной деятельности, и превышает полномочия, выходя за пределы своей компетенции. Сартр же считает, что эти полномочия как раз и вытекают из социально признанных за интеллектуалами функций – отстаивать научную истину и нести ответственность за цели общественного движения.

Профессионалы, как правило, занимаются оказанием социально значимых услуг, относительно независимы в исполнении своих профессиональных функций, во многих странах хорошо оплачиваются и имеют высокий социальный статус. Т.Джонсон и Ф.Паркин вслед за К.Марксом указывают на двойственный характер социального статуса профессионалов: с одной стороны, они принадлежат к высшему классу, являются частью класса, осуществляющего функции капитала, а с другой стороны, «выполняют функции коллективного рабочего» (К.Маркс) [1, с.364]. С двойственным социальным статусом связывает роль и положение интеллектуалов в обществе и Й.Шумпетер. Интеллектуалы, по Шумпетеру, – это группа критиков капиталистического строя, которую сам капитализм внутри себя и взращивает. «...В отличие от других социальных систем, – пишет Шумпетер, – капитализм неизбежно и в силу самой логики своей цивилизации порождает, обучает и финансирует социальные группы, прямо заинтересованные в разжигании социальных беспорядков» [17, с.201–202]. Интеллектуалы, уточняет Шумпетер, не представляют собой социального класса. Этот слой составляют выходцы из различных социальных групп, и объединяет их то, что они «воюют между собой или формируют передовые отряды борьбы за чужие классовые интересы» [17, с.202]. Они способны объединяться в достаточно сплоченные и сильные группы, некоторые из которых ведут себя так, как в нашем представлении должен вести себя класс. Однако истоки их протеста значительно глубже, это – «атмосфера всеобщей враждебности, которая окружает капиталистический двигатель...» [17, с.211]. «Импульс враждебности», порождаемый индивидуалистической ориентацией и конкуренцией, и социальное недовольство аутсайдеров аккумулируются ими и транслируются вовне. Как и рабочие, они легко могут потерять работу. Но если рабочих-забастовщиков, пишет он, «войска могут расстреливать», то с интеллектуалами буржуазия так поступить не может, «поскольку свободу, которую она не одобряет, нельзя сокрушить, не сокрушая при этом и ту свободу, которую она одобряет» [17, с.208]. Шумпетер не соглашается с Марксом, что движущей силой борьбы с буржуазией является пролетариат. По мнению Шумпетера, именно интеллектуалы, став рупором рабочего движения, «снабдили его теориями и лозунгами – классическим примером является лозунг классовой борьбы, привили ему самосознание и благодаря этому изме-

няли самый его смысл. <...> Таким образом, хотя интеллектуалы и не были создателями рабочего движения, они, тем не менее, превратили его своими усилиями в нечто такое, что существенно отличается от того, чем оно могло бы стать без их вмешательства» [17, с. 212].

К. Мангейм развивает идею А. Вебера об интеллигенции как «социально свободно парящем слое». Этот слой, считает Мангейм, возникает в связи с общественной потребностью осуществлять «суммарный синтез» знания, для чего необходима широта кругозора, целостная ориентация и перспектива. Интеллигенция не составляет определенного класса, поскольку все время обновляет свой состав и пополняется из постоянно расширяющейся социальной базы: «Чем больше число классов и социальных слоев, из которых рекрутируются различные группы интеллигенции, тем многообразнее и противоречивее по своим тенденциям становится сфера образования, которая их объединяет» [7, с. 134]. Даже в том случае, когда интеллектуал переходит на сторону какого-либо класса, примыкает к какой-либо партии, целостная ориентация его мировоззрения сохраняется. «Причастность к одной и той же сфере образованности, – пишет К. Мангейм, – все более вытесняет различия по рождению, сословию и имущественному положению, объединяя отдельных образованных людей именно под знаком этой образованности» [7, с. 133].

Поскольку профессионалы тоже относятся к образованному классу, возникает вопрос, как соотносятся понятия «интеллектуал» и «профессионал». Свои заключения об интеллектуалах Р. Мертон делает на основе анализа положения профессионалов-обществоведов, специализирующихся в области социального, экономического и политического знания [8, с. 341–343]. Оговариваясь, что он не ставит перед собой специальной задачи точного определения понятия «интеллектуал», тем не менее выделяет его основные признаки. Понятие «интеллектуал» Р. Мертон относит не к личности и не к профессии, а к социальной роли. Частично эта роль совпадает с профессиональными ролями, однако не каждый профессионал, по Мертону, является интеллектуалом: среди интеллектуалов могут быть как профессионалы, так и любители. Профессионал, который лишь транслирует знания, интеллектуалом, по Мертону, не является. Интеллектуалы – это люди, посвятившие себя формулировке и развитию знания, способные интерпретировать и применять имеющееся знание.

Р.Мертон различает два основных типа интеллектуалов: независимые интеллектуалы, для которых заказчиком является общество, и интеллектуалы, исполняющие технические и советнические функции в бюрократии, для которых заказчиком являются политические деятели и организации. От интеллектуалов требуется умение использовать знание, для того чтобы сократить число ошибок в предвидении последствий тех или иных альтернатив, поскольку они имеют дело с проектируемыми действиями, предсказаниями и предположениями, относительно которых существует большая степень неопределенности. Фактическое положение интеллектуала-эксперта не всегда определяется его компетентностью. Нередко эксперт сталкивается с субъективизмом оценок со стороны заказчика. А опытный политик может и превосходить аналитика в способности предвидеть и изыскивать оптимальное в данной ситуации решение. «Когда ученый-обществовед полностью уверен в обоснованности своего совета, – пишет Мертон, – это чаще всего относится к мелким вопросам. Когда он поднимает более серьезные проблемы, его знания о них могут оказаться не столь глубокими, как полученные политическим деятелем за долгие годы личного опыта» [8, с. 343]. «Люди действия» могут прибегать к услугам эксперта лишь для того, чтобы подкрепить авторитетным мнением свою точку зрения. Так что интеллектуалы-эксперты не могут претендовать на выдвижение социальных целей в силу выполняемых ими функций в корпорации и зависимого в ней положения, их головы, как выразился Вильсон, «присваивают» [8, с. 347]. Голос же независимого («отчужденного») интеллектуала «плохо слышен» [8, с. 349], поскольку на него оказывает давление государственная бюрократия, те, кто принимает стратегические решения.

Пол Баран [3] также считает, что выделение интеллектуалов как определенной категории людей оправдано тем, что они в общественном сознании составляют более узкую прослойку, чем работники умственного труда («те, кто работает головой») и выполняют особые функции, которые никто, кроме них, не выполняет. На основе анализа деятельности работников умственного труда (бизнесменов и докторов, управляющих компаний и «поставщиков культуры», биржевых брокеров и университетской профессуры) Баран приходит к выводу, что по своим функциям они, скорее, «технические исполнители». Они выполняют текущее задание, стремясь достичь в своем деле максимального

успеха, и «не задаются вопросами о смысле выполняемой ими работы, ее значении, ее месте в общественной системе труда» [3]. Мысли о целом, общем затрагиваются ими лишь косвенно и только тогда, когда они ощущают себя гражданами. Но чаще целое при капитализме противостоит личности и предстает в виде иррационального процесса, которым она (личность) не только не может управлять, но и которое не в силах до конца осознать. Поэтому работники умственного труда не чувствуют себя ответственными за общее, социальное целое и принимают тот порядок, при котором «формирование целей, а также расстановка приоритетных направлений не входит в их компетенцию», это – предмет попечения других [3]. В зоне же своей ответственности они руководствуются критериями рациональности, продуктивности и успешности. Ч.П. Сноу даже называл работников умственного труда «контрактниками», а их работу – «контрактным способом работы»: они производят знание, и на этом их обязанности заканчиваются, а как оно используется, это уже решают политики. И, как следствие, ученые не чувствуют своей ответственности за то, что политики используют добытое ими знание в качестве инструмента для осуществления целей, которые большинство считают низменными. Они могут сожалеть, что результаты их труда употреблены неподобающим образом, но использование знания – это уже не их дело.

«То, что отличает интеллектуала, пишет Баран, – это его интерес к историческому процессу – глубокий, пронизывающий все его мысли и влияющий на его работу, – стремление связать то, что он делает как профессионал, специалист, с другими аспектами человеческого бытия». К. Мангейм назвал эту функцию «суммарным синтезом» знания, еще раньше Гегель говорил о «правде в целом». П. Баран также пишет о необходимости связать, интегрировать различные фрагменты общественного знания, которые лежат в непересекающихся плоскостях, что и стремятся сделать интеллектуалы. Это особенно важно для капиталистического общества, где различные сферы жизни (литература, искусство, политика, экономика, наука и др.) кажутся разорванными, автономными. Что бы ни исследовалось – безработица, общественные беспорядки, низкий уровень экономического развития, проблемы в образовании, развитие науки и т. д., – интеллектуалы рассматривают свой предмет в контексте всех его взаимосвязей и с точки зрения его сущности и значения.

П. Баран, таким образом, выступает против «чистой науки», когда человеческие ценности выносятся за рамки научной компетенции. Уклонение от обсуждения вопросов добра и зла на практике означает поддержку статус-кво, «предложение руки помощи тем, кто препятствует любым изменениям существующего порядка вещей в лучшую сторону» [3], «а еще к этому „выбору“ его принуждают, угрозами и запугиванием, интересы, обладающие достаточной властью для угроз, запугивания и принуждения» [3]. Поэтому, устранив от влияния на выбор общества, работники умственного труда отдают это жизненно важное поле – сферу ценностей – на откуп шарлатанам и мошенникам, «чьи намерения и планы как угодно далеки от гуманистических». Приверженность гуманизму, пишет П. Баран, т.е. «постулату, что поиск пути к благополучию для всего человечества не нуждается в каком бы то ни было научном или логическом обосновании, есть аксиома для всех значимых действий интеллектуала, и, не приняв эту аксиому, индивид интеллектуалом называться не может» (комментарий 1) [3].

Итак, гуманистическая ориентация мировоззрения – важнейшая характеристика интеллектуала. Другая характеристика, о которой говорили практически все исследователи, – верность истине, интеллектуальная честность. И здесь важно, пишет Баран, не только то, *о чем* говорится, но и то, *о чем* умалчивается. Существуют в обществе силы, которые «направляют способности и энергию ученых в определенное русло, всячески тормозя и нейтрализуя результаты их работы в других областях» [3]. Это касается даже естественных наук, а в сфере общественных наук может приобрести решающее значение. И тогда какие-то факты выдергиваются из социального контекста, в результате чего правда может превратиться в ложь, а поиски «главной правды», т.е. правды о действительно значимых вещах, «объявляются антинаучной спекуляцией и преследуются путем профессиональной дискриминации, общественной изоляции и открытого запугивания» [3]. Поэтому верность истине требует отваги и преданности делу, особенно в условиях политической реакции, антиинтеллектуализма, иррациональных настроений и предрассудков. Не все способны сопротивляться давлению правящего класса и искушению пожить спокойной, уютной и сытой жизнью конформиста. Интеллектуал, пишет П. Баран, – это социальный критик, способный возвыситься над собственными эгоистическими интересами и заняться нуждами общества в целом,

«человек, чья обязанность определять, анализировать и таким образом помогать в преодолении препятствий, мешающих продвижению к лучшему, более гуманному и более рациональному общественному порядку. В таком виде он становится совестью общества и глашатаем тех прогрессивных сил, которые предлагает конкретный исторический период» [3]. Эта миссия – миссия сохранения традиций гуманизма, разума и прогресса – не может быть вменена в обязанность, она возлагается интеллектуалами на себя добровольно.

М. Фуко говорит об «особой политической роли истины в нашем обществе» [14, с. 206] и различает в связи с этим «универсального» интеллектуала и интеллектуала-специалиста. После Второй мировой войны, считает Фуко, на смену универсальному интеллектуалу, который был «всеобщей совестью» народа (чаще писатели, юристы, обличавшие деспотизм), приходит интеллектуал-эксперт, прежде всего университетский преподаватель, который отстаивает истину в области своей специализации. Он не перестает нуждаться в универсальном, философском видении мира, поскольку его деятельность в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и др. способна оказывать столь значительное влияние на жизнь общества, что неизбежно сопряжена с нравственной, а то и с политической ответственностью. Да и локальная, конкретная борьба профессионала за истину приобретает политический характер, поскольку по своему значению и последствиям она выходит за рамки узкопрофессиональной или внутриотраслевой и оказывается в то же время сражением за сам статус истины, за отделение власти истины от «различных форм гегемонии (общественных, экономических, культурных), внутри которых она действует до сих пор» [14, с. 208].

Ю. Хабермас замечает, что интеллектуалы нового поколения (А. Камю, Ж.-П. Сартр, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Фриш, Г. Бёлль и др.) больше не были связаны партийной политикой, как предшествующее поколение интеллектуалов (Маркс, Энгельс, Бруно Бауэр и др.), и занимались общественными делами по собственной инициативе, считая своим долгом вмешиваться в них только тогда, «когда эти дела принимали дурной оборот». В этот момент они, будучи ответственными гражданами демократического государства, «публично использовали свои профессиональные познания вне сферы своей основной работы» [15], не претендуя при этом на статус элиты.

Положение интеллектуала в современном обществе, утверждает Хабермас, изменилось, в том числе и в связи со структурным изменением публичной сферы, появлением электронных средств коммуникации, интернета и телевидения. Когда интеллектуал обращался к публике через печатные СМИ, он своей логикой, актуальностью темы, риторически заостренными аргументами вызывал живой отклик и поднимал общественность. Сейчас же журналист, владеющий аргументами и методами убеждения, нередко способен оказать даже большее влияние на аудиторию, чем интеллектуал, часто автор этих идей и аргументов. А в ток-шоу вообще стираются различия между ролями участвующих в диалоге: оно превращается в арену интеллектуального соревнования, где каждый стремится «первым закрепить за собой актуальные темы и понятия», а то и просто обратить на себя внимание. Казалось бы, уже и в роли эксперта не осталось места интеллектуалу. Однако, по Хабермасу, существует функция, которую никто, кроме интеллектуала, реализовать не сможет. Это – «способность первым почуять нечто важное» [15]. Современный интеллектуал, «чуткий к нарушениям нормативной инфраструктуры общественного организма», способен первым нащупать важную тему, обнаружить критические тенденции тогда, когда другие их еще не замечают; увидеть, «чего не хватает или что „могло бы быть иначе“». Он выявляет источники социальных конфликтов и разрабатывает альтернативы, расширяет спектр аргументов и бьет в набат, оповещая общество об опасности (может, как пишет Хабермас, «инициировать поляризацию позиций, выступить со скандальным заявлением, опубликовать памфлет») [15].

П. Бурдьё в статье «За ангажированное знание» [5] предупреждал об опасностях, которыми, по его мнению, чревата политика глобализации. Эта политика особо не афишируется теми, кто ее разрабатывает и проводит, так что может сложиться впечатление, что глобализация – это естественный, объективный процесс, что на самом деле, пишет Бурдьё, не так. Политика глобализации проводится целенаправленно и имеет свою идеологию – неолиберализм. Те, кто от нее может пострадать (а их большинство), чаще всего даже не подозревают о ее пагубных для себя последствиях. Однако эти последствия можно предвидеть благодаря ресурсу общественных наук, и о них не должны молчать исследователи, принимающие участие в разработке этой политики. П. Бурдьё считает искусственной дихотомию, разделение

ученых на тех, кто замыкается в своем научном кругу и не знает, что им делать со своим знанием, и тех, кто выносит свои знания за пределы научного сообщества и «вводит их в бой». Любое знание рождается внутри научного сообщества, но должно служить всему обществу, а не отдельным его группам. «Бегство в стерильность» может иметь тяжелые социальные последствия, а, например, для биологов, криминалистов такое поведение, пишет Бурдьё, было бы просто преступлением. Как можно знать и умалчивать о взаимозависимости между неолиберальной политикой и ростом преступности и аномии? Конечно, то, что мы считаем научным открытием, должно получить оценку, прежде всего со стороны коллег. Но не для того ученые получают содержание от государства, чтобы ограничивать доступ к коллективно добытому знанию узким кругом научного сообщества. Они должны доводить эти знания до общества как конечного их заказчика, помогать институтам, которые ставят перед собой задачу сопротивляться неолиберальной политике, снабжая их необходимыми инструментами. Ведь еще недавно пророков, предрекавших катастрофические последствия неолиберальной политики, не слышали и принимали за сумасшедших, сейчас же, когда эти пророчества начинают сбываться, к ним начинают прислушиваться. «Есть еще время, – пишет Бурдьё, – встряхнуть социал-демократические правительства, которым интеллектуалы строят глазки, особенно когда получают различные социальные привилегии...» [5]. Нужно рисковать, отстаивая свою позицию, а для этого, пишет Бурдьё, требуется воображение и мужество.

Таким образом, интеллектуалы – это слой общества, обладающий фундаментальным образованием и глубокими знаниями, способный интегрировать различные фрагменты общественного знания и на этой основе прогнозировать последствия принимаемых решений и сигнализировать об опасностях, угрожающих обществу, а также разрабатывать цели общественного движения. Отличительными характеристиками интеллектуалов являются способность рассмотреть дело, которым они занимаются, с точки зрения его общественного значения, верность научной истине и готовность отстаивать основанную на истинном знании политическую позицию, гуманистическая ориентация мировоззрения, нравственная ответственность за будущее человечества и вытекающая из нее критическая позиция ко всему, что происходит в обществе.

Интеллектуалы и власть

Картина будет неполной, а возлагаемая на интеллектуалов ответственность – чрезмерной, если мы не упомянем социально-политический, институциональный контекст их деятельности. Его рассматривают Ю. Хабермас, М. Фуко, Ч. Р. Миллс, А. Бадью и др. «Инкубационный период» формирования современного типа интеллектуалов Ю. Хабермас относит к периоду Великой французской революции, когда появляются общественность («бодрствующая, информированная, способная на отклик») и общественное мнение. «...Им приходится, – пишет Хабермас, – полагаться на хоть как-то функционирующее правовое государство, ведь в своей борьбе за правду, которой затыкают рот, или за права, которые у кого-то отнимают, они апеллируют к универсалистским ценностям» [15]. Другими словами, должны сформироваться публичное пространство и «политическая культура возражения», а также то, что М. Фуко называл «режимом истины».

М. Фуко обращает внимание на то, что интеллектуал всегда действует в конкретной научной и социально-политической среде, поэтому неверно изображать истину как «плод долгого одиночества» и награду для «свободных умов», сумевших высвободиться от давления власти. Он выдвигает гипотезу о том, что в каждом обществе существует свой «режим истины», своя «общая политика» истины, с определенными правилами и ограничениями, в том числе с упорядочивающими воздействиями со стороны власти. Это – типы рассуждений, которые общество «принимает и использует в качестве истинных; механизмы и органы, позволяющие отличать истинные высказывания от ложных; способ, каким те и другие подтверждаются; технологии и процедуры, считающиеся действительными для получения истины; статус тех, кому поручено говорить то, что функционирует в качестве истинного» [14, с. 205]. «...Этот режим – не просто идеологический или надстроечный; он выступал как условие образования и развития капитализма» [14, с. 207]. Кроме того, это еще и «совокупность правил, согласно которым мы отделяем истинное от ложного и связываем с истиной особые воздействия власти» [14, с. 207]. Поэтому истина играет особую политическую роль в обществе, является ставкой в идеологической борьбе, «политическом споре и всяком общественном противостоянии». Судьба истины зависит и от того, востребуется ли она политическими и экономическими институтами – экономическим производством, по-

литической властью, органами образования и др. А для интеллектуала, отстаивающего истину, важно трезво представлять политический, экономический, институциональный контекст производства истины, а также вероятность установления «новой политики истины» [14, с. 208].

О социальных условиях, определяющих судьбу истинного знания, рассуждает и американский философ и публицист Ч. Р. Миллс в статье «Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе». Статья была написана в 1944 г., но не утратила актуальности и сейчас. Миллс замечает, что интеллектуал не обращается напрямую к своей потенциальной публике, между ним и его адресатом «встают технические, экономические и социальные структуры, которые принадлежат другим и управляются другими». И чем больше мы узнаем о современном обществе, пишет он, тем больше понимаем, что центры принятия политических решений становятся все менее достигаемыми для обычных граждан и все менее поддающимися демократическому контролю. «...Публичные решения принимают люди, сами не страдающие от их жестоких последствий», в то время как «другие, зависящие от них, вынуждены терпеть последствия их невежества и ошибок, их самообмана и предвзятых мотивов» [9]. Эту политику Миллс называет «политикой организованной безответственности». «Когда преобладают безответственные решения, – пишет Миллс, – а ценности распределяются неравномерно, те, кто принимает решения, и те, кто становятся основными выгодоприобретателями, прибегают ко всеобщему обману», а «занимающие высокие посты должны скрывать факты, чтобы сохранить власть» [9]. Интеллектуал чувствует себя беспомощным, когда понимает, что на то, что он способен предвидеть и предсказать, он никак не может повлиять. Тот же профессор – всего лишь наемный работник, периодически избираемый, надеющийся на субсидии и помощь от частных фондов, выделяющих средства на исследования и поездки. В этих средствах ему могут и отказать, если признают идеи научного работника «неконструктивными». Экспроприированы и монополизированы и средства распространения идей интеллектуальных работников, которые также становятся инструментом давления на них. **«Материальный базис их инициативы и интеллектуальной свободы, – пишет Миллс, – больше не в их руках. Они знают больше, чем говорят, и они бессильны и напуганы».** А без социального подтверждения, пишет Миллс, гума-

нитарии не могут быть уверенными в истинности своего знания. Сама возможность «иметь работу» становится формой цензуры и политической санкцией. Зависимое положение профессионала оказывается причиной «неясного общего страха», который формирует в нем добровольную самоцензуру, вежливо называемую «благоразумием», «хорошим вкусом» или «взвешенным суждением». И это касается не только тех интеллектуалов, которые работают внутри бюрократии, но и тех, кто «не нанят этими структурами открыто». «Организованная безответственность, – пишет Миллс, – одна из главных черт современного индустриального общества во всем мире» [9].

Трагизм положения интеллектуала в политике в том, что он «все чаще – лишь служащий машины коммуникации, которая основана на полной противоположности тем ценностям, которые он хотел бы отстаивать» [9]. Что же делать, как реагировать интеллектуалу на царящую в обществе трагическую безответственность? Согласиться со своим бессилием? Уйти из политики и заниматься лишь фактами, но не их значением? Ни в коем случае. Это было бы отступлением, бегством, считает Миллс, т. е. тоже определенной политической позицией. И это было бы поддержкой системы безответственности «своим молчанием, своей аффилиацией». Мы должны думать о последствиях своих действий. Те, кто занимаются интеллектуальным трудом, могут, используя свои специальные знания, составить собственное понимание ситуации в обществе и определиться с политической и личной позицией. Последнее необходимо для того, чтобы представлять себе «сферу стратегии, доступную для влияния». Для того чтобы лучше ориентироваться в политической ситуации, нам важно иметь уверенное знание. Но не стоит ссылаться на недостаток знания, оправдывая свое бездействие: «политическому человеку не нужно ждать большего знания в будущем, чтобы ответственно действовать сейчас» [9]. Если даже половину того знания, которым мы располагаем сейчас, поставить на службу нашим идеалам, их реализация будет продвигаться значительно быстрее. Неоправданное упование на лучшее будущее часто служит приманкой, чтобы добиться поддержки сегодняшней безответственности. «Легче, – замечает Миллс, – обсуждать неясное будущее, в котором пока нет никаких фактов, чем стать лицом к лицу с тревожащими проблемами настоящего и недавнего прошлого» [9]. Привлечение интеллектуалов к обсуждению будущего или международных дел без

привязки к борьбе за власть внутри каждой страны – это их политическое использование. Между тем как работа над будущим ведется уже сегодня, это – борьба за власть внутри государства и на международной арене, это – соглашения между державами. «Поэтому, – пишет Миллс, – эффективный способ планировать будущее мира состоит в том, чтобы критиковать сегодняшние решения. Пока каждая точка «плана» не будет подобным образом привязана к настоящему, «планирование» будет маскировать мир, работа над которым идет уже сейчас. Этот опасный камуфляж помогает иллюзорно ускользнуть от проблем, окружающих события и решения в настоящем» [9].

Ответственность и нравственный долг интеллектуалов

Как написал М. Уолцер, «книгу Жюльена Бенда „Предательство интеллектуалов“ будут читать, пока будут существовать интеллектуалы, способные к предательству» [12, с. 57]. Нас задевает эта книга, значит, она актуальна. Обычно ответственность за социальный проект возлагалась на политические элиты, вопрос об ответственности интеллектуалов еще никогда так бескомпромиссно не ставился. С ответственностью интеллектуалов складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, ответственность за будущее общества, человечества не может быть вменена в обязанность, она возлагается интеллектуалами на себя добровольно: этот долг относится к категории «сверхдолжного». Можно лишь «подстегнуть», внушить чувство ответственности. С другой стороны, в случае негативных последствий политического выбора общество возлагает ответственность за этот выбор не только на политиков, но и на интеллектуалов. Вспомним хотя бы обвинения Ж. Бенда в другой книге, «Конце вечности», в адрес интеллектуалов, попустительствовавших приходу фашизма: они должны были предвидеть, должны были предостеречь, но не сделали этого. Таким образом, ретроспективная ответственность – ответственность за то, что сделал или чего не сделал, – активизирует проспективную ответственность – ответственность за прогнозы, принимаемые решения, за социальные цели.

К сожалению, ситуация с ретроспективной ответственностью, особенно политиков и чиновников высшего звена, в нашем обществе обстоит весьма и весьма неблагоприятно. Результаты рыночных реформ в нашей стране всем известны и печальны. Что это – «организованная безответственность», о которой писал Ч. Р. Миллс, или самоуверен-

ность дилетантов, которая, как известно, является предметом зависти интеллектуалов? А какую цель ставили те идеологи, которые вместо воспитания патриотов, на плечи которых в ближайшее время ляжет основное бремя забот о стране, под видом деидеологизации внедряли культ Запада, космополитизм и индивидуалистические, потребительские ценности? «Американские „игроки“, – писал по этому поводу А.С. Панарин, – обыграли своих незадачливых партнеров по глобализации именно потому, что сохранили приверженность своей стране. Оказывается, что в глобальных играх уверенно себя чувствуют те, кто умело пользуется двойными стандартами: партнерам предлагают играть исключительно по правилам „последовательного глобализма“, а себе позволяют архаику служения собственному Отечеству. В самом деле, те, кто опирается на живую наличность державного потенциала и авторитета, имеют несомненные преимущества перед теми, у кого за спиной одни только туманности глобализма» [10, с. 65]. Как справедливо заметила М.А. Шестакова, неолиберальный проект, выдвигающий индивидуальную свободу в качестве универсальной общечеловеческой ценности, – это проект представителей бизнеса и богемы, художественной интеллигенции, и главная его проблема «заключается в том, может ли тот тип индивидуальной свободы, который предполагается данным проектом, в действительности быть общей социальной целью» [16]. Ален Бадью считал, что только справедливость может быть провозглашена в качестве универсального требования в политике. «...Справедливость, – писал Бадью, – это философское имя истины в политическом поле» [2, с. 45], она ставит равенство выше индивидуальной свободы, а потому подразумевает ограничение индивидуальной свободы и частного интереса, – ценностей, на которых основывается современное демократическое общество. Потому что несправедливость вызывает ожесточение и террор. Те же, пишет Бадью, кто не хотят ни справедливости, ни террора, хотят коррупции: «Под „коррупцией“ я понимаю главным образом то умственное разложение, из-за которого мир, столь очевидно чуждый любому принципу, представляется и принимается большинством тех, кому он выгоден, словно бы он был лучшим из миров, так что можно стерпеть и то, что от его имени ведут войну со всеми теми, кто оспаривает это отвратительное самодовольство, и преследуют внутри – как „не интегрированных в общество“ – тех, кто, придя извне, не готов безоговорочно согласить-

ся с превосходством капитало-парламентаризма, им же и провозглашенным» [2, с. 3–44].

Если на Западе тема нравственной ответственности элит в последнее время звучит все чаще, то у нас она едва слышна. Американский экономист Г. Де Мартино в недавно вышедшей книге «Клятва экономиста» ставит вопрос об ответственности экономистов-профессионалов высшего звена – политиков, преподавателей и ученых. Своими идеями и действиями они способны оказывать значительное, в том числе и разрушительное, воздействие на жизнь общества: «Невежество, узость мышления, несовершенные знания... очень опасны, – пишет Де Мартино, – соединенные с огромной властью, они ведут к огромным разрушениям» [18, с. 232]. Но все ли сделали наши интеллектуалы, яснее других видевшие, что политики лгут и манипулируют общественным сознанием, чтобы их разоблачить? Можно ли было активнее противодействовать амбициозным политикам и экономистам, проводившим безжалостные социально-экономические эксперименты над страной? Мы не могли предвидеть всех последствий «фальсификации ценностных таблиц», которая продолжается и сегодня, но мы могли бы настойчивее защищать истину и универсальные ценности. Или не могли? Тогда нужно выяснить, почему не могли. Готового решения наших проблем на Западе нет, те вопросы, которые стоят перед страной, мы сможем решить только общими усилиями. Необходимо преодолеть узость базы отбора кадров (из «своих»), для чего следует ввести четкие объективные критерии оценки качества их деятельности, прежде всего это социальные результаты. Только тогда чиновники и политики будут заинтересованы создавать условия для мобилизации всего интеллектуального потенциала страны с целью преодоления кризиса и создания нового социального проекта, гармонизирующего отношения между индивидуальным, частным и общим (комментарий 2).

Комментарии

1. П. Баран вспоминает, что когда один нацистский студенческий лидер 1930-х гг., впоследствии ставший одним из руководителей гестапо, спросил его, почему нужно заботиться о благополучии всех, а не о своем собственном, и почему нельзя, чтобы кто-то умирал от голода, если их страдания могут сделать богаче, свободнее или счастливее других, Баран ему ответил: «Обсуждение человеческих дел и поступков

может иметь место только среди людей; говорить с животными о делах, касающихся человечества, – пустая трата времени».

2. «Исследователи, – пишет Бурдьё, – могут сделать кое-что более новое и более трудное: поощрять появление организационных условий для коллективной выработки политического проекта, ... который, разумеется, будет проектом коллективным».

Литература

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013.
3. Баран П. Ответственность интеллектуала / пер. М. Глушко [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2606.html (дата обращения: 07.02.2017).
4. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2009. 310 с.
5. Бурдьё П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-za-angazhirovannoe-znaniye> (дата обращения 07.02.2017).
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
700. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
8. Мертон Р. Роль интеллектуалов в государственной бюрократии // Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
9. Миллс Ч.Р. Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе // Неприкосновенный запас. 2014. № 2 (94). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/2/10r.html> (дата обращения 07.02.2017).
10. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
11. Сартр Ж.-П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2752.htm (дата обращения 07.02.2017).
12. Уолцер М. Компания критиков. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 360 с.
13. Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 111-117. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://roii.ru/dialogue/41/roii-dialogue-41_6.pdf (дата обращения 07.02.2017).
14. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью // пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Практикс, 2002. С. 201-210.
15. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html> (дата обращения: 07.02.2017).
16. Шестакова М.А. Социальные функции научного знания. К дискуссии об интеллектуалах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (158). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-funktsii-nauchnogo-znaniya-k-diskussii-ob-intellektualah> (дата обращения: 07.02.2017).
17. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
18. De Martino G.F. The Economist's Oath. On the Need for and Content of Professional Economic Ethics. N.Y.: Oxford University Press, 2011. XIII+257 p.